

Водитель поспешно повернул машину обратно. Войдя в кабинет, Гао Жуншэн повернул потайной рычаг, вытащил из тайника словарь, раскрыл его и достал лакированную деревянную шкатулку с Денежным деревом долголетия.

Гао Жуншэн открыл шкатулку и долго смотрел на Денежное дерево долголетия под стеклянным колпаком, после чего вдруг со злости швырнул вещь на пол. Его глаза покраснели от гнева, а всё тело оцепенело и задрожало от ярости.

В то же время Гао Хуаньюй, получив деньги от Се Муяня и заключив с ним сделку, не получил от этого абсолютно никакой выгоды. Поначалу он рассуждал так: раз Се Муянь выступает организатором иностранной делегации, его влияние никак не может быть слабее, чем у Лю И. Гао Жуншэн сейчас принимает ту самую группу иностранцев, но если он, Гао Хуаньюй, сможет опереться на такого покровителя, как Се Муянь, то в будущем сможет держать голову высоко и перед Гао Жуншэном.

Однако после того, как сделка была заключена, Се Муянь даже не удосужился с ним увидеться.

Отношение Се Муяня изменилось слишком резко. Раньше он звал его не иначе как господин Гао или молодой господин Гао, а теперь, провернув дело, он повернулся спиной и даже не захотел поддерживать с ним связь? Гао Хуаньюй никак не мог этого понять. В глубине души он тешил себя надеждой и затаил обиду, думая, что Се Муянь, возможно, просто слишком занят в последнее время. Наверное, когда этот период затишья пройдет, всё вернется на круги своя?

Однако на третий день после завершения внутренней выставки — как раз в тот день, когда Дундун выписался из больницы, — организация-организатор выставки во главе с Се Муянем громко подала на Гао Хуаньюй в суд, напрямую обвинив его в мошенничестве.

Даже местные газеты города Х на первых полосах всю трубили об этой мошеннической сделке с антиквариатом.

Находясь в гостиничном номере-люксе, Се Муянь держал в руке телефон и небрежно смеялся, с непринужденным видом стороннего наблюдателя, который предвкушает интересное зрелище: Ты получил подлинник, а сам вытащил антикварную подделку и обвинил продавца в мошенничестве — поистине заставил меня взглянуть на тебя по-новому.

Мужской голос на том конце провода звучал совершенно бесстрастно: Ты лезешь не в свое дело.

Се Муянь продолжал усмехаться: О, мне-то всё равно, я все равно не увлекаюсь антиквариатом. А я вот в последнее время инвестирую в недвижимость и, кажется, слышал, что Лю И купил две квартиры, причем, судя по всему, на имя Гао Яня. Ах да, кстати, у Дундуна появилась прописка, и сегодня его тоже выписали из больницы. В день выписки Дундуна из больницы на редкость разразился сильный ливень. Температура на поверхности земли резко упала, принес с собой долгожданную прохладу. Стоило дождю прекратиться, как все

больничные формальности были улажены, и Дундуна можно было забирать домой. Прежде Дундун тоже лежал в больнице, но всякий раз при выписке за ним либо приезжал один Гао Янь, либо они забирали ребёнка вдвоём с Сун Мином. Собраться такой большой компанией, как сегодня, пожалуй, случилось впервые в жизни.

Гао Янь, Лю И, Сун Мин, Ван Иньчэн и даже Таньюань — все они пришли. В небольшой одноместной палате теснились четверо взрослых и двое детей, отчего помещение казалось на редкость забитым. В последнее время Дундун стал гораздо чаще видеть людей, а Ван Иньчэн вместе с Таньюанем каждый день навещали его и составляли компанию. Мальчик словно заново открылся миру: он стал намного разговорчивее прежнего и теперь мог без умолку болтать о чём-то своём, да так оживлённо, что порой у Гао Яня от этого гудела голова.

Одетый Дундун сидел на краешке кровати рядом с Таньюанем. Оба малыша болтали ногами — туда-сюда, туда-сюда, весьма ритмично.

Дундун обратился к Ван Иньчэну:

— Большой Доуша, а почему братишка Доуша не пришёл?

Ван Иньчэн утешил его:

— Потому что братишка должен учиться в школе.

Стоило Таньюаню услышать слово «братишка», как он мгновенно превратился в простодушного и наивного младшего брата. Даже при том, что Доуша здесь не было, он принялся согласно кивать вслед словам Ван Иньчэна.

Дундун спросил снова:

— А Большому Доуша разве не нужно учиться?

Ван Иньчэн улыбнулся:

— Большому Доуша не нужно. Большой Доуша уже всё закончил, ему больше не обязательно ходить на занятия.

Дундун озаарённо протянул:

— А братишке Доуша ещё сколько дней надо отучиться, чтобы тоже не ходить?

Все взрослые в палате весело рассмеялись. Сун Мин, стоя у изножья кровати, с улыбкой произнёс:

— Сокровище моё, твоему братишке Доуша учиться ещё добрый десяток лет, если не больше.

Дундуну это совсем не понравилось:

— Получается, я всё это время не смогу видеть братишку Доуша?

Танъюань слегка приоткрыл рот, округлив его в букву о: как же быть, что же делать, как тревожно! Неужели братишке предстоит учиться так долго? А как же тогда быть Танъюаню?

Танъюань и Дундун, словно близнецы, одновременно скорчили донельзя огорчённые, расстроенные и растерянные гримасы. Дундун жалобно посмотрел на своего Большого Доуша и спросил:

— А братишка может не ходить в школу?

Ван Иньчэн рассмеялся и успокоил его:

— Не слушай дядю Сун-мина, Доуша вернётся со школы уже после обеда, сегодня вечером вы уже сможете увидеться!

Гао Янь выразительно приподнял бровь в сторону Сун Мина, давая понять: мол, получишь у меня за то, что морочишь ребёнку голову. Сун Мин громко рассмеялся и потёр свой гладкий лоб.

Лю И всё это время молча стоял у окна, опустив взгляд на Дундуна. Выражение его лица не было таким суровым, как раньше, — оно заметно смягчилось. Когда он смотрел вниз, нельзя было разобрать выражение его глаз, однако вся его аура словно расслабилась и рассеялась, став мягкой и безмятежной.

Когда дождь окончательно прекратился, обитатели больничной палаты перестали наконец болтать и забавлять детей. Ван Иньчэн отправился забирать машину. Гао Янь нёс на руках Дундуна, Лю И — Танъюаня, а Сун Мин шёл следом, ожидая лифта.

Кто-то из окружающих время от времени бросал взгляды на Гао Яня и Лю И, но на этот раз никто не пытался их снимать — пара медсестёр лишь перешептывались между собой, наивно полагая, что говорят очень тихо.

— Это ведь те самые двое, что были в прошлый раз? — шепнула медсестра А.

— Офигеть, какая любящая семья, — откликнулась медсестра Б. — И не думала, что встречу их здесь. Эй, а кто этот толстяк рядом с ними?

— А, ну, наверное, их водитель или телохранитель?!

— ... — подумал про себя Сун Мин.

Танъюань сидел на руках у Лю И, вертя головой по сторонам — похоже, он совсем не слышал и не обращал внимания на то, что их тут обсуждают. А вот Дундун услышал. Он даже покосился на Сун Мина, а затем повернулся к Танъюаню и спросил:

— Танъюань, а у тебя дома есть баба?

Танъюань моргнул:

— А? Что такое баба? Это съедобно? Вкусно?

Дундун:

— Я не знаю. Я знаю только, что булочки вкусные.

У Танъюаня едва ли не слюнки потекли:

— Хочу булочку с пастой из красной фасоли.

Глазки Дундуна тут же загорелись:

— Я тоже хочу!

Сун Мин мысленно вздохнул: до чего же у детей скачкообразное мышление — умеют же перейти от обсуждения телохранителей к булочкам...

Ван Иньчэн и Лю И подогнали машины. Дундун и Танъюань наотрез отказались разлучаться, так что в итоге решили: Лю И поведёт машину, в которой поедут Танъюань, Дундун и Гао Янь, а Ван Иньчэн сядет за руль своей и подвезёт Сун Мина.

Дундун был безумно рад ехать в машине Лю И, потому что это была та самая огромная машина, что и в прошлый раз. Папа говорил, что в будущем купит Дундуну такую же большую машину, поэтому мальчик радовался вдвойне.

Лю И выехал со стоянки больницы и остановился у перекрёстка в ожидании зелёного света светофора. В этот момент Дундун, сидевший на коленях у Гао Яня, неожиданно подал голос:

— Папа? Разве мы не домой едем?

Лю И повернулся к Дундуну. При звуке слова домой у него внутри всё растаяло, и он мягко произнёс:

— Дундун, мы как раз едем домой.

Маленькие брови Дундуна сошлись на переносице. Он выглянул на улицу, бросил взгляд на проплывавшие мимо улицы и, ухватив Гао Яня за руку, запротестовал:

— Папа, мы едем не по этой дороге.

Маршрут, которым везли мальчика, и в самом деле не имел никакого отношения к дороге, ведущей к квартире Сун Мина. У Ван Иньчэна и Лю Хэна давным-давно была приобретена квартира в районе хороших школ: площадь небольшая, зато район первоклассный, и располагается она как раз напротив жилого комплекса, где теперь жил Доуша.

Изначально Лю И не питал особых надежд — он просто попытался поговорить с Гао Янем, чтобы узнать, не согласится ли тот переехать с ребёнком туда. Лю И даже заготовил целую речь на случай, если Гао Янь ответит отказом.

Однако Гао Янь хорошенько всё обдумал и лишь задал Лю И встречный вопрос:

— Переезд в ту квартиру действительно принесёт Дундуну много пользы, верно?

Лю И кивнул. После этого Гао Янь, не выказывая ни малейших колебаний или попыток отказаться, дал согласие:

— Раз это на пользу Дундуну, меня всё устраивает.

Всё прошло донельзя гладко — настолько гладко, что Лю И даже казалось, будто это сон. Ван Иньчэн же только посмеивался над Лю И, считая, что тот чересчур искушён в торговых делах и напрасно усложняет человеческую природу. Дундун сейчас был единственным родным человеком для Гао Яня, и в любых своих поступках мужчина в первую очередь думал о ребёнке. Сопоставив прежние условия жизни и состояние здоровья Дундуна с тем, как обстоят дела сейчас, Гао Янь закономерно сделал правильный выбор.

В чём-то характеры Гао Яня и Ван Иньчэна были очень похожи. Как говорится, рыбак рыбака видит издалека: оба они не любили волокиту и всегда принимали решения быстро и решительно. В этом мире всё не делится лишь на чёрное и белое; Гао Янь прекрасно понимал, что при принятии подобных решений неизбежно возникают сопутствующие условия или мотивы, которые кое у кого могут вызвать осуждение. К примеру, если сейчас станет известно, что он согласился жить в квартире Лю И, наверняка найдутся завистники, которые станут судачить, что он, Гао Янь, присел Лю И на шею.

Впрочем, ему было всё равно. Гао Яню было абсолютно плевать на чужие слова: он прекрасно усвоил истину о том, что сильный человек способен прекрасно устроиться в любой обстановке, и только слабые склонны бесконечно рефлексировать над вопросами морали и чужих мнений.

Услышав слова Дундуна о том, что дорога вовсе не ведёт домой, Гао Янь и Лю И замерли от неожиданности. Танъюань тоже озадачился: почему это Дундун знает дорогу, а он нет?

Гао Янь уточнил:

— Дундун знает дорогу домой?

Мальчик покачал головой:

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь, что мы едем не туда? — удивился Гао Янь.

Дундун сделал крайне озадаченное лицо:

— Она же совсем не такая! Папа, разве ты не заметил?

Гао Янь и Лю И переглянулись.

Гао Янь успокаивающе произнёс:

— Мы сейчас едем в новый папин дом.

Дундун теперь называл папами и Гао Яня, и Лю И. Таньюань то и дело путался, не понимая, к кому из них обращается друг, однако Дундун каждый раз безошибочно разделял их. Стоило малышу позвать отца, как оба взрослых каким-то непостижимым образом понимали, кого именно из них зовут, а порой — что обращаются сразу к обоим. Таньюань слегка потерял нить происходящего.

Дундун же с изумлением распахнул глаза и радостно захлопал в ладоши:

— Ура, ура!

Квартира Лю Хэна уже была полностью приведена в порядок. Всю прежнюю мебель вывезли, и теперь обстановка была целиком и полностью продумана руками самого Лю И. Детская комната Дундуна — тоже.

Сун Мин вышел из машины Ван Иньчэна на полпути, сославшись на срочные дела, так что Гао Янь даже не обратил на это особого внимания. Сам он никогда прежде бывал в этой квартире и слышал от Ван Иньчэна лишь то, что жильё само по себе небольшое. Но когда он переступил порог, неся на руках Дундуна, то, вопреки ожиданиям, вовсе не почувствовал тесноты — напротив, от пространства веяло необыкновенным теплом и уютом.

Дундун разулся в прихожей. Гао Янь присел на корточки, собираясь помочь сыну снять обувь, но мальчик, не дожидаясь помощи, выскользнул из его объятий, задорно болтая босыми ножками, и пустился в бег. Он пару раз крутанулся по гостиной, а затем стремглав бросился вглубь комнат.

— Дундун? — Гао Янь разулся и вошёл следом.

Лю И даже не пытался ловить ребёнка, позволяя ему бегать и резвиться где душе угодно. Гао

Янь лишь опасался, как бы малыш впопыхах не налетел на острые углы столов или стульев, но стоило ему бегло оглядеться, как он замер в изумлении: все сколько-нибудь выступающие углы в гостиной были тщательно закруглены и обернуты мягким защитным материалом, нетронутыми не остались даже дверные косяки.

Гао Янь поднял взгляд на Лю И. Сердце у него внутри дрогнуло: казалось, будто в его груди, доселе омываемой тихим и мерным ручьём, в этот самый миг что-то неуловимо изменилось.

По мелким деталям можно безошибочно судить о характере человека. До сих пор Гао Янь так и не смог до конца разглядеть, что же представляет собой Лю И на самом деле, но в одном он был уверен: Лю И искренне, всей душой заботится о Дундуне. Как рассказывал ему при случае Ван Иньчэн, Лю И никому не позволял вмешиваться в обустройство квартиры — всё до мелочей он сделал своими руками.

В этот момент Лю И повернулся к Гао Яню. Тот невозмутимо отвёл взгляд.

Таньюань с Ван Иньчэном тоже вошли внутрь. Ван Иньчэн остался стоять в прихожей, а Таньюань, сбросив обуви, тут же вбежал в гостиную. Он покрутил головой налево и направо, после чего восторженно выдохнул и обратился к Ван Иньчэну:

— Мама! А в этой квартире раньше жил тот братишка?

— Да, — кивнул Ван Иньчэн.

Таньюань, то ли переняв привычки Дундуна за эти дни, то ли просто поддавшись настроению, услышав слова Ван Иньчэна, отчего-то ревниво качнул бёдрами и принялся воровато озираться по сторонам. Ему вдруг стало так завидно! В квартире, где жил братишка! В комнате, где спал братишка!

Ван Иньчэн не стал заходить дальше прихожей, лишь окинул взглядом гостиную от порога. Он прожил здесь чуть больше года, но это место хранило столько воспоминаний о его семье, и именно отсюда начался крутой перелом в его судьбе. Хотя при расставании казалось, что никакой особой тоски не будет, спустя три года возвращения Ван Иньчэн испытывал самые разные чувства. Ван Иньчэн вошел первым, держа на руках Таньюаня. За ними закрылась дверь, и в квартире остались только Гао Янь, Лю И и Дундун. Дундун в полном восторге носился повсюду и даже принялся кувыркаться на кровати, а затем бросился в объятия к Гао Яню, прикусывая собственный хвост:

— Папа, папа, как же я люблю наш дом! Папа, а тебе нравится?

Дундун посмотрел на Гао Яня с надеждой во взоре. Тань улыбнулся:

— Конечно, папе тоже очень нравится.

Летние дожди обычно грозовые, но стоит ненастью стихнуть, как вновь устанавливается ясная погода. Черные тучи рассеялись, и солнечный свет хлынул сквозь занавески, расстилаясь по полу мелкими золотистыми брызгами. Они упали на суровое лицо Лю И, и в этот миг казалось,

будто растаял целый пласт снега, растопив в сердце безграничную нежность. Лю И стоял посреди гостиной, глядя на Гао Яня и Дундуна, и наконец произнес:

— С возвращением.

Для Гао Хуаньюя этот путь оказался тупиковым, выхода было не найти. Се Муянь подставил его, а Лю И нанес удар в спину. Гао Хуаньюй позвонил Се Муяню, чтобы выяснить, что это значит, но тот рассмеялся — небрежно и лениво:

— Подумай хорошенько, не перешел ли ты кому-нибудь дорогу за последние годы.

Тогда Гао Хуаньюй набрал Ху Ляня. Ху Лянь ответил с вежливой улыбкой:

— Господин Гао, вы неправы, предъявляя мне такие претензии. Сначала генеральный директор Лю вел переговоры с вами, и то, что вы принесли подделку, мы оставили без внимания. Но позже вы сами вышли на связь с гендиректором Лю, и стоило ему всего пару дней заняться семейными делами, как вы тут же повернулись и продали Денежное дерево другому человеку.

А Лу Де тем временем рыскал по всему свету в поисках своего сокровища-сына:

— Хуаньюй, что ты натворил? Что именно ты забрал?! Немедленно верни все на место!

Денежное дерево десяти тысяч лет давно уже отдали Се Муяню, а у него самого на руках осталось всего несколько миллионов! Откуда ему взять Денежное дерево?

Лю И теперь даже смотреть в сторону Гао Хуаньюя не желал. А Се Муянь? Хотя он и заявлял о мошенничестве, исковое заявление до сих пор не поступило, да и в новостях все было тихо и вяло — судя по всему, сажать Гао Хуаньюя за решетку он вовсе не рвался. Ладно бы Гао Хуаньюй действительно всучил Се Муяню фальшивку, но вся беда заключалась в том, что тогда он отдал подлинник! Отдал настоящую вещь — и угодил под суд? Гао Хуаньюй чувствовал себя так, будто наелся дерьма. Экспертиза подтвердила подлинность, процедура прошла без единой заминки — к чему тогда судиться? В чем Се Муянь вообще собирался его обвинять?

Но главной головной болью для Гао Хуаньюя стал не Се Муянь, а Гао Жуншэн.

Се Муянь всегда считал город Н прекрасным местом: с ним были связаны светлые и дорогие сердцу воспоминания. Пусть порой он тешил себя несбыточными надеждами и всё это не имело особого смысла, для него они оставались бесценными.

Вволю намаявшись от безделья после ужина, Се Муянь велел водителю ехать в аэропорт. Сначала ему не очень-то хотелось туда тащиться, но потом он подумал, что всё равно скучно, а раз уж выдалась свободная минута — почему бы и не съездить.

Ждать пришлось недолго: за последние пару лет Се Муянь, может, толком ничего и не научился, но вот коротать время в ожидании освоил наотлично.

Когда в поле зрения появился мужчина, на губах Се Муяня заиграла улыбка, однако в глазах не было и следа веселья. Лишь когда мужчина снял темные очки и подошел ближе, Се Муянь по-настоящему улыбнулся, приветствуя его:

— А я ведь говорил, что ты обязательно приедешь.

Мужчина был необычайно высок ростом, в его жилах текла четверть русской крови: невероятно белая кожа, глубоко посаженные глаза, а чертами лица он немного напоминал голливудскую кинозвезду. Мужчина посмотрел на Се Муяня и сдержанно произнес:

— Это ты меня заманил.

Се Муянь с самым невинным видом рассмеялся:

— При чем здесь я? Ты ведь сам захотел приехать, а теперь ищешь оправдание, говоря, будто это я тебя привел. Какая несправедливость.

Мужчина пожал плечами, не став никак комментировать слова Се Муяня.

По дороге обратно Ван Иньчэн обнимал Таньюаня и всё думал о том, что только что сказал ему в машине Сун Мин.

Сун Мин сидел тогда на пассажирском сиденье переднего ряда, вдруг тяжело вздохнул и произнес:

— По-моему, поступки и цели Лю И слишком уж очевидны.

Ван Иньчэн бросил на Сун Мина мимолетный взгляд, но промолчал. Сун Мин продолжил сам по себе:

— Гао Янь находится внутри этой ситуации, поэтому ему, наверное, не всё разглядеть. Но со стороны мне отчетливо видно: если бы Лю И не испытывал к Гао Яню никаких чувств и заботился исключительно о Дундуне, сейчас всё выглядело бы совершенно иначе.

Ван Иньчэн сосредоточенно вел машину и глухо угукнул.

Сун Мин повернулся к нему, потер подбородок и снова вздохнул:

— Если никто об этом не заикнется, вы, наверное, до конца дней своих ничего не узнаете. Сам Гао Янь об этом никогда не заговорит. Скажу так: я не знаю, что происходит у Лю И, но Гао Яня я понимаю. Почему никто из вас никогда не додумался поинтересоваться, зачем Гао Яню вообще понадобился ребенок?

Ван Иньчэн прямо ответил:

— Думаешь, если спросить Гао Яня напрямую, он ответит? Раз уж Гао Янь скрывает причины, с какой стати, по твоему мнению, Лю И должен задавать этот вопрос?

Сун Мин потер лоб:

— Эх, ну и тяжело же разговаривать с такими умниками, как ты! Я считаю, что Лю И ведет себя неправильно. Ради Дундуна Гао Янь готов на многое, но ввязываться в какие-либо отношения с Лю И он явно не намерен.

Ван Иньчэн:

— Из-за убеждений холостяка?

Сун Мин:

— Да, именно так. Гао Янь никогда не полюбит Лю И, даже не думай.

Ван Иньчэн:

— Это чисто принципиальный вопрос или следствие душевной травмы?

Сун Мин даже не ожидал, что Ван Иньчэн заглянет так глубоко. Мысленно закатив глаза, он подумал, что всё-таки не зря ненавидел беседовать с умными людьми:

— И то, и другое. Скажем так: из-за условий, в которых он рос, у Гао Яня с детства сформировались взгляды убежденного одиночки. Сначала он вообще не хотел детей, но потом связался с одним подонком — религиозным геем, ха! Ты же понимаешь, что такое платонические отношения?

Ван Иньчэн кивнул:

— Религиозные взгляды — это вопрос веры, но многие конфессии не приемлют однополые отношения.

Сун Мин холодно усмехнулся:

— Вот именно, таким мразям и в голову не должно приходить портить людям жизнь! Вообще-то у того мужчины было весьма солидное происхождение. Если бы они действительно подходили друг другу, уехав тогда вместе за границу, он вполне мог бы вырваться из-под влияния клана Гао.

Ван Иньчэн:

— Почему они расстались?

Сун Мин повернулся к окну автомобиля и вздохнул:

— Насилие. В общем, в конце концов они разошлись, и тогда Гао Яню было...

Доуша вернулся из школы домой. Едва переступив порог, он увидел Танъюаня: тот стоял вытянувшись по струнке, опустив голову и заложив руки за спину, словно дожидался его возвращения.

Доуша закрыл дверь, бросил в прихожей ранец и, разуваясь на ходу, спросил:

— Чего это ты стоишь у двери?

Таньюань всё еще не мог выбросить из головы утренние слова. Тревожно и робко подняв глаза, он сжал губы и жалобно посмотрел на Доушу:

— Брату учиться в школе еще столько лет?

Стоило Доуше взглянуть на перепуганное личико Таньюаня, как он сразу понял: его бестолковый младший братишка снова наслушался каких-то глупостей. Пройдя вглубь прихожей, Доуша на ходу потрепал Таньюаня по волосам:

— Дурачок, тебе ведь в будущем тоже предстоит пойти в школу.

Таньюань семенил следом за Доушей, вцепившись в край его футболки, и испуганно спросил:

— Значит, когда брат пойдет в школу, я тоже пойду, и мы долго-долго не будем видеться?

Доуша взял со столика чашку, налил воды и отпил. Услышав слова Таньюаня, он поперхнулся, повернулся к нему и через мгновение снова потрепал макушку:

— Меньше слушай всякую чепуху, мы же каждый день будем видеться.

Таньюань ждал с самого утра: с рассвета до полудня, от полудня до вечера, пока Доуша не вернется из школы. Его сердечко трепетало весь день, но теперь, услышав слова брата, он наконец успокоился, облегченно выдохнул и даже приложил ладошку к груди.

Доуша искренне не понимал, что вечно творится в этой пустой детской головке.

Гао Янь, Лю И и Дундун переехали в квартиру, где раньше жил Лю Хэн. Теперь дома обеих семей разделяла всего одна улица — они оказались невероятно близко друг к другу.

Лю Хэн собирался воспользоваться выпиской Дундуна из больницы как поводом и позвать Гао Яня на ужин, но Лю И пресек эту затею на корню. Признание ребенка, переезд, ужин с семьей Лю — и всё это за какие-то несколько дней? Да это же скорость знакомства жениха или невесты с родителями... Слишком быстро, слишком поспешно.

В итоге Лю И постановил: пообедать в отдельном кабинете ресторанчика неподалеку от жилого комплекса, встретиться под видом старых друзей и захватить с собой Доушу и Таньюаня.

Лю Хэн не смел возражать Лю И. После того как тот так долго скрывал правду, Лю И бросил его через бедро так, что синяк на левом плече не сходил целую неделю. Скажи он сейчас хоть слово поперек Лю И, тот, пожалуй, мог бы содрать с него три шкуры.

Спорить с Лю И Лю Хэн не решался, поэтому мог лишь ворчать наедине с собственной женой:

— Лю И что, вечно будет защищать своих?

Ван Иньчэн окинул Лю Хэна странным взглядом:

— Факты налицо, разве еще нужно что-то спрашивать?

Лю И и вправду продумал всё до мелочей: он всё же опасался, что в глубине души Гао Янь может испытывать какие-то сомнения. Возможно, семья Лю и руководствовалась самыми добрыми побуждениями, но действовали они слишком стремительно, и Гао Янь вполне мог насторожиться. В конце концов, по мнению Лю И, даже самый миролюбивый человек, если он не обладает железной уверенностью в себе, неизбежно станет сомневаться в нынешнем положении дел.

После того как зашло солнце, Лю И отвел Гао Яня и Дундуна осмотреть окрестности, а затем они направились в забронированный ресторан. Семья Лю уже была на месте: Доуша склонился над столом, делая уроки, а Дундун послушно сидел рядом, играя с моделью машинки.

Лю Хэн никогда прежде не видел Гао Яня. Стоило двери открыться, как у него дернулось веко, а когда он разглядел Гао Яня воочию, в душе мелькнуло восхищение: до чего же удачна порода этих братьев — мало того что Ван Иньчэн хорош собой, так и Гао Янь оказался исключительно красив.

<http://bllate.org/book/21448/2191884>